

А. Князев: Киргизский переворот: США сделали ставку на криминалитет

Неправ тот, кто подумал, что главный конфликт в Киргизии – это противостояние президента и премьера, или Севера и Юга... Увы, элементарная криминализация всего без исключений спектра общественной жизни, эдакий колумбийский сценарий – таково и настоящее, и наиболее вероятное очевидное будущее. Дифференциация основных внутренних центров силы происходит по основному мотиву, составлявшему, вероятно, главную суть мартовской «революции» – захват власти как инструмента контроля над легальными и, особенно, иллегальными финансовыми потоками и иными материальными ресурсами. Сегодня уже не секрет: именно криминальные авторитеты обеспечивали «революционеров» необходимыми средствами для проведения акций протеста, а также ударными отрядами для захвата Дома правительства 24 марта. Слишком многие из этих политиков связаны с криминальными авторитетами, «крышуя» того или иного из них десятилетиями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно криминальная составляющая стала и главной сутью всех процессов, происходящих в республике.

В лице нынешнего киргизского руководства, политиков в структурах исполнительной власти – в первую очередь, мы имеем дело с наиболее криминализированной частью киргизской политической псевдоэлиты. Очень распространен такой стереотип, что в Киргизии существует относительно более богатый Север и очень бедный Юг – Ферганская долина. Это мнение не верно. Южная часть Киргизии гораздо богаче, и количество вращающихся там денег намного больше, чем на Севере. Это деньги, полученные от транзита наркотиков, от торговли оружием. Подавляющее большинство оружия, использовавшегося в таджикском конфликте, поступало именно из Южной Киргизии. Но криминальные деньги, естественно, не поддаются учету официальной

статистики. Джалал-Абадская и Ошская области Киргизии, где разворачивался первый этап киргизской революции, – наиболее богатые области в республике.

Естественно, что когда лидеры, большинство из которых происходят оттуда, пришли к власти, то начался передел функций контроля над собственностью – публичной и теневой. Причины политических кризисов, происходящих в республике нужно искать именно здесь. Вообще, вся киргизская постмартовская повседневность пронизана конспирологическими умолчаниями. Очередное громкое политическое убийство происходит в то время, когда не утихли еще волнения по поводу убийства предыдущего, затем происходит следующее... Именно так начинает действовать клановое устройство в бюрократической внутриклановой борьбе. Это – киргизская Realpolitik, в которой могли бы таиться самые непредсказуемые политические перспективы, если бы все эти захватывающие сюжеты был бы и в самом деле хоть сколько-нибудь политическими.

Проблема нынешней киргизской бюрократии заключается в том, чтобы изменить ориентиры и критерии, которые определяют выбор общественного мнения, приучить общество к тому, что любая политика в первую очередь преследует определенные интересы и лишь во вторую очередь заботится о соблюдении принципов, что в политике приемлемы средства, осуждаемые с точки зрения морали. Тактическая задача сегодняшнего правящего класса – заставить общество воспринимать представителей криминального мира в качестве действующих общественно-политических фигур. Отмечу: к чести киргизского общества, оно к такой трансформации в подавляющей своей части пока, кажется, не готово.

Зато вполне симптоматично, что сам новый киргизский правящий класс не видит в подобном ничего из ряда вон выходящего. Так, например, близкий к президенту Бакиеву депутат парламента Исхак Масалиев рассуждает о том, что известный уголовный авторитет Рыспек Акматбаев намерен стать депутатом: «Ну, изберут его, будет он депутатом. В этом нет ничего из ряда вон выходящего... И мы должны будем признавать его как депутата, и

работать с ним. Он может быть избран и спикером, и председателем комитета – это допускаемая законом дорога». В обозримом будущем чрезвычайно низкий уровень политического сознания и управленческой компетентности нынешней политической элиты будет, похоже, по-прежнему определять и тактику, и выбор средств в борьбе за власть. Это использование запрограммированной толпы земляков и просто люмпенов, это заказные убийства, это открытое вовлечение криминалитета в сферу публичной политики...

В этой ситуации в Киргизии по-прежнему не исключено и весьма драматическое развитие конфликта – вплоть до перехода в фазу военного противостояния. Вполне возможна полная фрагментация страны на находящиеся в состоянии конфликта регионы, управляемые собственными элитами и, с учетом реалий современного политического процесса, контролируемые теми или иными внешними центрами силы. В дискуссиях экспертов уже не вызывает отторжения применение понятия «афганизация Киргизии». Власть распределяется по местам, каждый аким района все меньше и меньше подчиняется центру и становится подобен «полевому командиру». Широко известен пример с захватом угольных шахт Кара-Кече в Джумгальском районе Нарынской области людьми неформального «авторитета» Нурлана Мотуева. Откровенно криминальные и околोकриминальные группировки участвуют в «движении» Мотуева дабы извлечь выгоду от продажи угля. В высших эшелонах киргизской власти также есть персоны, заинтересованные в продолжении беспорядков на угольных разрезах, в бесконтрольной продаже угля. На протяжении более полугода Мотуев вынуждает президента Бакиев считаться с мнением «угольного короля», в его подчинении находятся несколько сот боевиков и он, по его собственным заявлениям, всегда готов к «басмаческой войне». Во время захвата угольных разрезов были избиты их бывшие владельцы, заместитель губернатора и начальник УВД области, глава районной администрации... В сходном с точки зрения развития тенденции положении находятся сегодня многие регионы страны.

Нельзя сказать, чтобы руководство республики совсем никак не реагировало на происходящее. Правда, реагирует специфически. За десять месяцев пребывания у власти Курманбек Бакиев заметно поднял доходы одной-единственной категории населения: милиции. Во главе основных силовых структур встали люди, так или иначе близкие к новому президенту. Близкий родственник Таштемир Айтбаев возглавляет Службу национальной безопасности, джалалабадцы Марат Кайыпов и Мирослав Ниязов – министерство юстиции и Совет безопасности республики соответственно. Неясно, где пересекались раньше пути будущего президента и министра внутренних дел Марата Суталинова, но верность его уже была проверена в событиях 17 июня, когда была пресечена попытка очередного штурма бишкекского Белого дома... Правда, у власти явно нет мотивации для применения силы в отношении Мотуева и ему подобных. Другое дело: не возникнет ли искушения применить силовые структуры в качестве инструмента в борьбе с политическими оппонентами? С учетом давно заметной тяги Бакиева к авторитарным методам управления республикой, столь эксклюзивно повышенное внимание к силовым структурам наталкивает на ряд размышлений. Каков, например, будет подход президента Киргизии к использованию силовых методов в собственно политической борьбе? Ведь в последние месяцы в республике становится все более заметным рост оппозиционных настроений, которые постепенно становятся корневым элементом идеологии ряда политических лидеров, партий, движений, неправительственных организаций...

Можно констатировать: в сегодняшней Киргизии государственные институты стали инструментами криминальных разборок, в ходе которых происходит дальнейший распад государственности. Можно и прогнозировать: обладающие политическим весом криминальные лидеры легко станут орудием любых внешних сил, заинтересованных в дестабилизации ситуации не только в Киргизии, но и во всей Центральной Азии. Впрочем, это тема уже для другого разговора.

<http://www.asia-a.ru/>